

ТОЛЬКО ЛИ ЛИЧНОСТЬ ЯВЛЯЕТСЯ НОСИТЕЛЕМ ИНТЕРЕСА?

Малинова Анна Григорьевна

Доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва), кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: malinova@inbox.ru

Существующие в современной отечественной теории права многочисленные точки зрения на сущность интереса при всем своем разнообразии не имеют расхождений по одному вопросу – о субъекте интереса. Субъект интереса в правоведении – это субъект права, т. е. лицо, физическое или юридическое. Не отрицают правоведы наличия интересов и у других социальных субъектов, например у субъектов гражданского общества, которые в большинстве своем выступают одновременно и субъектами права. И хотя некоторые субъекты гражданского общества не являются субъектами права, в частности семья, социальные группы, слои населения, их способность быть субъектами интересов не оспаривается. Из превалирующего в правоведении определения, согласно которому интерес – это осознанная потребность, неизбежно следует вывод о том, что субъектом интереса может быть только тот, кто обладает сознанием. Сознание есть у единственного объекта природы – человека. В связи с этим анализируются взгляды представителей различных областей знания, подтверждающие либо отрицающие возможность животных и иных объектов природы иметь интересы. Обосновывается вывод о том, что широко применяемое в правоведении понятие «интерес» нуждается в освобождении от излишней психологизированности, что позволит в свою очередь освободиться от понимания осознанной потребности в качестве единственного основания возникновения интереса. А последнее устраняет препятствия для признания объектов природы носителями интересов.

Ключевые слова: интересы, потребности, права, человек, животные, носитель интересов

IS A PERSON THE ONLY HOLDER OF INTERESTS?

Malinova Anna

Associate professor, Kutafin Moscow State Law University (Moscow), candidate of legal sciences,
e-mail: malinova@inbox.ru

Numerous points of view on the essence of interests in modern domestic theory, despite their diversity, agree on who is the subject of interests. The latter is a subject of rights, i. e. a person – an individual or a legal entity. Legal scholars think that other social actors, such as civil society actors much of whom are subjects of rights, have interests too. While some civil society actors, i. e. a family, social groups, population groups, are not subjects of rights, their ability to be subjects of interests is not challenged. In jurisprudence, the interest is increasingly defined as a conscious need, and it inevitably follows that the subject of interests is the only one who has consciousness. Consciousness is peculiar to the only one object of nature – a human. In this regard, the author analyses the views of representatives of different sciences confirming or denying the possibility of animals and other objects of nature to have interests. The conclusion is that the concept of «interest» widely used in jurisprudence needs to step back from its psychological understanding, and this will allow not to consider the conscious need as the only reason for the emergence of interests. As a result, there will be no impediments to recognise any object of nature as a holder of interests.

Key words: interests, needs, rights, people, animals, holder of interests

На вопрос, обозначенный в названии настоящей публикации, существуют диаметрально противоположные точки зрения. «То, что отличает здесь животных от человека, – полагал австрийский философ Э. Мах (1838–1916), – есть прежде всего величина круга интересов... Большие размеры круга интересов – вот... главная причина, обуславливающая превосходство интеллекта 3–4-летнего ребенка над интеллектом умнейшего животного»¹. Простейшие биологические потребности животных удовлетворяются инстинктивно, «но с появлением сложных условий существования... этим потребностям может удовлетворить только богато развитая психическая жизнь. Отдельные шаги этого окольного пути с сопровождающими их обстоятельствами, как таковыми, получают тогда посредственный интерес»².

Иного мнения придерживаются многие специалисты. Например, отечественный философ А. А. Зиновьев (1922–2006), говоря о природе и технических устройствах, подчеркивал: «У этих устройств нет никаких интересов, интересы имеют только люди»³. В другом месте он утверждал, что и природа, и общество не имеют интересов, «интересы имеют лишь отдельные люди и их объединения на основе общих интересов»⁴. Но у него же читаем, что, оказывается, какой-то «ослик действовал в интересах лягушки...»⁵.

По словам Т. А. Буачидзе, «отношение животного к окружающему его миру чисто „утилитарное“: для него существует лишь то, что каким-либо образом связано с его *витальными интересами* (курсив мой. – А. М.). Животного интересует пригодность предмета, а не суть, существо его»⁶. Н. Н. Моисеев (1917–2000) говорил о «жизненных интересах отдельных особей» и «интересах стада как единого целого»⁷. Поэт Белла Ахмадулина (1937–2010) в «Доме и лесе» рифмовала: «...и о лесе печется природа, соблюдая ее интерес»⁸. Б. Ф. Сергеев фиксировал «интерес обезьяны к игрушке»⁹. Философ Э. В. Ильенков (1924–1979) задумывался над тем, есть ли «интересы машины»¹⁰.

Такие примеры бесконечны. Американский писатель Теодор Драйзер (1871–1945) говорил об «интересах права, истины, справедливости, милосердия»¹¹, А. А. Зиновьев упоминал об «интересах красивой улыбки»¹². Специалист по поведению животных Р. Шовен (1913–2009) считал, что животные могут проявлять интерес «страстный»¹³ и «живой»¹⁴. Для демонстрации отсутствия интереса животные могут принимать положения, которые характеризуются как «поза отсутствия интереса»¹⁵. «Средоточием интересов паука, – говорил французский биолог, – служит паутина»¹⁶, но в то же время замечал, что «слово „интерес“ неудачно и отдает антропоморфизмом, поскольку в этом случае не может быть и речи о сознательности, характерной для деятельности человека»¹⁷.

Отечественный зоолог Н. П. Вагнер (1829–1907) о повадках толстокожего представителя семейства непарнокопытных писал так: «Носорог ничем не интересуется, ни к чему не стремится и вообще ведет себя крайне апатично»¹⁸. Можно ли на этом основании сказать, что носорог не имеет интересов?

¹ Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М., 2003. С. 194.

² Там же. С. 427.

³ Зиновьев А. А. Глобальный человек. М., 2003. С. 150.

⁴ Там же. С. 413.

⁵ Там же. С. 302.

⁶ Буачидзе Т. А. О назначении человека // Философия, культура, человек. Тбилиси, 1988. С. 42.

⁷ Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М., 1990. С. 98.

⁸ Ахмадулина Б. Избранное: стихи. М., 1988. С. 161.

⁹ Сергеев Б. Ф. Ступени эволюции интеллекта. Л., 1986. С. 128.

¹⁰ Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал: избранные статьи по философии и эстетике. М., 1984. С. 292.

¹¹ Драйзер Т. Собрание сочинений: в 12 т. М., 1986. Т. 12. С. 282.

¹² Зиновьев А. А. Указ. соч. С. 366.

¹³ Шовен Р. Поведение животных. М., 1972. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 40.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 13.

¹⁷ Там же. С. 128.

¹⁸ Цит. по: Маршак С. Я. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1990. Т. 4. С. 336.

В правоведении положение о том, что единственным субъектом интереса является человек – единственный объект природы, имеющий сознание, устоялось настолько, что даже не обсуждается. Более того, по этой логике сама принадлежность к человеческому роду автоматически делает субъектами интереса таких его представителей, которых в силу разных причин (малолетства, необратимых расстройств сознания и т. п.) трудно назвать разумными. Подобный представитель рода человеческого выделен из мира природы скорее не потому, что он обладает сознанием, а потому, что он способен иметь сознание. Не сам такой представитель определяет и защищает свои интересы, за него это делают другие люди, обязанные к этому своими убеждениями или законом.

Право, права человека – это изобретение человека, они рождены обществом. «Права человека с давних времен, – отмечал член-корреспондент РАН С. С. Алексеев (1924–2013), – традиционно понимаются в сугубо „личностном значении“ – как статус, прирожденные, неотъемлемые права и свободы личности, индивида... Раскрывая свою естественно-правовую природу в определениях „неотъемлемые“, „прирожденные“, права человека при таких определениях зазвучали в общепринятом для личности юридическом значении – в виде права на жизнь, права на творчество, права на свободу получения и использования информации, права на частную жизнь и т. д., словом, в виде *субъективных прав* – возможностей индивида, неотделимых от конкретной личности»¹. Действительно, человек с момента рождения наделяется основными правами и свободами личности – именно их принято считать неотъемлемыми и прирожденными.

Интересы же с психологической точки зрения – это отнюдь не изобретение человека. Как неотъемлемое свойство человека, его психики они действительно рождаются вместе с человеком. Их происхождение имеет не естественно-правовую природу (как у субъективных прав), а естественную. «Изучение интересов людей, групп, классов, стран и планеты в целом представляется, конечно, весьма сложным. Основная трудность, с которой мы здесь сталкиваемся, состоит в том, что структура интересов содержит большой элемент субъективизма. Одна и та же ситуация разными людьми может оцениваться совсем по-разному. Отсюда и проистекает основная неопределенность»². Надо заметить, что, по существу, это очень «мягкое» изложение мнения Л. Фейербаха: «Но нет ничего более глупого и жестокого, чем... пытаться представлять интересы человека там, где лучше всего каждый представляет свои интересы сам...»³.

Историки и антропологи, как правило, избегают наделять «интересами» человека доисторического, и не только так называемых *предлюдей*, но и людей из того огромного промежутка времени (по разным оценкам, более полутора миллионов лет), который потребовался для становления человеческого общества. Питекантропы, австралопитеки, неандертальцы, кроманьонцы и другие первые люди, по их мнению, – это носители не интересов, а различного рода инстинктов. «Если здесь и можно говорить о чьих-либо интересах, – подчеркивал Ю. И. Семенов, – то только об интересах вида, причем слово „интерес“ в данном контексте требует серьезных оговорок»⁴. «Прирожденные интересы человека, – писал американский палеонтолог и социолог Л. Уорд (1841–1913), – действуют в противоположных направлениях, часто без одной какой-либо цели. Они борются друг с другом, сталкиваются между собой, бросаются друг на друга, но столь неорганизованным, предоставленным случаю, хаотическим порядком, что приносят с собой не равновесие, но взаимное разрушение»⁵.

Современный человек сформировался в основном в эпоху неолита. Но и здесь исследователи древних цивилизаций предпочитают говорить не об интересах человека, а о его потребностях. Поэтому если и вести сегодня речь об интересах первобытных людей, необходимо подчеркивать, что это все же интересы весьма специфические – тотемические, табуированные, фетишизированные, основиденные, ожести-

¹ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 642–643.

² Мойсеев Н. Н. Указ. соч. С. 303–304.

³ Фейербах Л. Сочинения: в 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 263–264.

⁴ Семенов Ю. И. На заре человеческой истории. М., 1989. С. 34.

⁵ Уорд Л. Ф. Социальная статика // Зомбарт В. Социология. 2-е изд., стер. М., 2003. С. 94.

кулируемые и т. п. Причины применения именно таких характеристик – в том, что мышление первобытных людей серьезно отличается от современного. Для его обозначения введен даже специальный термин – «пралогическое мышление». Как считает Ю. В. Яковец, «личный интерес по-настоящему пробудился на следующем этапе, вместе с появлением частной собственности»¹.

Почему же люди могут понимать и удовлетворять *потребности* животных и растений, но не могут определять и защищать *интересы* животных, растений и других объектов природы? Неужели только потому, что эти объекты не обладают и не могут обладать разумом?

У некоторых народов особое отношение к животным. «В Тибете, – говорил Т. Л. Рампа, – к животным относятся очень правильно. С ними не сюсюкают, но и не рассматривают как крепостных. Животное – это прежде всего живое существо, выполняющее свою полезную миссию и имеющее все права наравне с человеком»². В связи с этим уместен вопрос, поставленный русским физиологом И. П. Павловым (1847–1936): «Должны ли мы для понимания новых явлений входить во внутреннее состояние животного, по-своему представлять его ощущения, чувства и желания?»³. На это есть «только один ответ – решительное „нет“... Не постоянное ли горе жизни состоит в том, что люди большей частью не понимают друг друга, не могут войти один в состояние другого! Затем, где же знание, где власть знания в том, что мы могли бы, хотя и верно, воспроизвести состояние другого?»⁴. По словам Л. Уорда, «силы, двигающие животными, это – их инстинкты, аппетиты, потребности, словом, желания»⁵.

Допускали наличие интересов у объектов природы и классики марксизма. К. Маркс отмечал, что «в мире людей, как и в мире животных и растений, интересы рода всегда пробивают себе путь за счет интересов индивидов, и это происходит потому, что интерес рода совпадает с *интересом особых индивидов*, в чем и состоит сила этих последних, их преимущество»⁶.

По мнению нобелевского лауреата Дж. Кутзее, «сочувственное отношение к животным стало восприниматься как норма совсем недавно, всего каких-нибудь сто пятьдесят – двести лет назад, и то лишь в некоторых странах. Вы правы, усматривая связь между движениями в защиту животных и историей борьбы за права человека, поскольку первое в историческом плане всего лишь ответвление более обширного филантропического процесса, включающего защиту рабов и несовершеннолетних»⁷. Между тем «вся дискуссия о сознании и о том, есть оно у животного или нет, не более как дымовая завеса. На самом деле мы просто выступаем в защиту себе подобных. Вот и получается: младенца не тронь, а теленок пускай идет под нож!»⁸.

Интересы животных возможны лишь в том смысле, который вкладывается в них человеком, и именно поэтому с их существованием трудно не согласиться и правоведам. Собственно, новизны в этом взгляде нет, если вспомнить мысль Л. Фейербаха: «Животные и звезды славят господу лишь по *смыслу, вкладываемому в это человеком*»⁹.

Но, не отказав животным в праве иметь интересы, трудно устоять перед следующим шагом – признанием их права иметь права. Мысль, откровенно говоря, тоже не новая. Основные аргументы в ее защиту сформулированы еще немецким философом И. Кантом (1724–1804): «Так как животный мир – аналог человечеству, то мы выполняем обязанности по отношению к человечеству, осуществляя их по отношению к его аналогу»¹⁰. Это высказывание классика заставляет также вспомнить об аксиоме: без обязанностей нет прав.

¹ Яковец Ю. В. История цивилизаций. М., 1995. С. 121.

² Рампа Т. Л. Третий глаз // Восток и Запад о жизни после смерти / сост. Н. Г. Шкляева. СПб., 1993. С. 23.

³ Павлов И. П. Рефлекс свободы. СПб., 2001. С. 7.

⁴ Там же.

⁵ Уорд Л. Психические факторы цивилизации. СПб., 1897. С. 228.

⁶ Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Карл Маркс и Фридрих Энгельс об искусстве: в 2 т. 4-е изд. М., 1983. Т. 1. С. 151.

⁷ Кутзее Дж. М. Элизабет Костелло. СПб., 2004. С. 154.

⁸ Там же. С. 130.

⁹ Фейербах Л. Указ. соч. Т. 1. С. 94.

¹⁰ Кант И. Лекции по этике. М., 2005. С. 211.

Однако снова сошлемся на мнение Дж. Кутзее о том, что традиционная точка зрения, согласно которой у животного не может быть узаконенных прав, поскольку оно не является личностью, не лишена здравого смысла. Вместе с тем «когда мы разрабатываем определенные установки, касающиеся общения с животными, то не кажется ли вам, что более разумно эти правила и установки адресовывать, как это пока и делается, самим себе, нежели ссылаться на права животных, которые сами они не в состоянии ни востребовать, ни нарушить, ни осознать?»¹.

«Интерес – это осознанная потребность» – таков наиболее живучий (и не только в правоведении) стереотип о соотношении интереса и потребности. С начала XXI в. в отечественной юридической теории все более популярной становилась формулировка «Интерес – осознанное выражение потребности»². В десятках юридических монографий и сотнях статей это положение употребляется как аксиоматический тезис. Живучесть данного тезиса удивительна еще и потому, что против него чуть ли не изначально существовали и продолжают существовать серьезные возражения³.

Между тем не только в правоведении, но и в других общественных науках «интерес» был и остается одним из самых спорных понятий. Этой ситуации уже несколько веков. В конце XVI в. слова, производные от латинского глагола «*interesse*», получили широкое распространение в европейских языках. Этими словами стали обозначаться, как считает американский экономист А. Хиршман (1915–2012), «фундаментальные силы... которые мотивируют или должны мотивировать действия правителя или государства, индивида, а позже групп людей, занимающих сходное общественное или экономическое положение...»⁴. Широкому распространению понятия «интерес» в европейских языках способствовало также то, что оно «было первоначально введено в оборот как эвфемизм уже в конце Средних веков, чтобы сделать респектабельным получение „интереса“ (процента) по займам...»⁵. Вспомним, что под эвфемизмом обычно понимается завуалированное обозначение того, что в конкретной ситуации неуместно обозначить прямым наименованием. Именно поэтому *благозвучный* термин «интерес» стал приемлемой заменой «проценту» – понятию, ставшему к тому времени нереспектабельным (главным образом по религиозно-этическим причинам).

Идея интереса, впервые сформулированная итальянским мыслителем Макиавелли (1469–1527) как идея усиления собственной власти, влияния и увеличения богатства, уже в начале XVII в. распространилась по всей Европе. «Очень быстро ее взяли на вооружение великие моралисты и прочие литераторы той эпохи в своем тщательном препарировании индивидуальной природы человека»⁶. Заметим, что это нельзя отнести к России. В русском языке в то время не было даже слова «интерес». Оно появилось только веком позже.

Дальнейшее развитие понятия интереса как *собственного интереса* «связано с открытием в конце XIX в. инстинктивно-интуитивного, привычного, подсознательного, движимого идеологическими и невротическими факторами поведения – короче говоря, чрезвычайной популярностью всего нерационального, которая была характерна практически для всех влиятельных философских, психологических и социологических течений того времени»⁷. В отличие от указанных течений, экономическая наука, полностью базировавшаяся на рациональном стремлении к реализации собственного интереса, не стала включать в свой арсенал эти новые открытия и максимально отошла от психологии, лишив свои основные понятия психологического начала⁸.

¹ Кутзее Дж. М. Указ. соч. С. 156.

² Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 209.

³ Обзор этих возражений см., например: Малинова А. Г. Категория «интерес» в семейном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003; Ее же. Понятие «законные интересы» в семейном праве // Российский юридический журнал. 2001. № 1. С. 62–65.

⁴ Хиршман А. О. Интересы // «Невидимая рука» рынка / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М., 2008. С. 210.

⁵ Там же.

⁶ Хиршман А. О. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М., 2012. С. 71.

⁷ Хиршман А. О. Интересы. С. 221.

⁸ Там же. С. 221–222.

По другому руслу протекало развитие понятия «интерес» в отечественном правоведении, которому не удалось окончательно «отойти от психологии» даже в начале XXI в. Многие современные правоведческие определения понятий «интересы» и «законные интересы» исходят из того, что это или *желания*, или *стремления*, или *дозволения*, выражающиеся в *стремлениях* субъекта, либо *юридическая дозволенность*, имеющая характер *правового стремления*. Стремления, желания, мечтания могут быть сильными, слабыми, настойчивыми и пр., но они не могут быть подвержены правовому воздействию. Ведь стремление даже как продукт правовой мысли не становится от этого правовым. Что такое правовое стремление? Какое отношение правовое регулирование имеет к стремлениям? Поведение же, действительно, может иметь характер, например быть законопослушным, пассивным, агрессивным и др. Собственно, поведение может иметь любой характер, но только не характер стремления.

«Стремления» и «желания» – понятия близкие. Правда, мы не стали бы их отождествлять, как это делают некоторые авторы. Но раз они это делают, то сошлемся на авторитетное мнение по проблеме определения именно желания, во многом, оказывается, еще загадочного для человеческой мысли. Французский мыслитель М. Фуко (1926–1984) считал, что «взаимодействие *желания*, *власти* и *интереса* пока еще мало понятно... Что же касается *желания*, то нам только еще предстоит узнать, что же оно собою представляет»¹ (курсив мой. – А. М.).

В отличие от многозначного слова «интерес» слово «стремление» имеет более конкретные значения: *настойчивое желание*², *настойчивое влечение*, *тяготение*, *решительная устремленность*³. Заметим, что все эти значения – из области чувств. Не только личные чувства, но и «чувства социальные: семейные, общественные, правовые, политические»⁴ – различают и изучают давно, но дозволить или запрещать их еще никто не пытался. Право регулирует поведение людей, а отнюдь не их стремления (желания, чаяния, замыслы и умыслы). Стремление – это цель в мысли, а поведение – это цель в действии. Дозволение – это поведение в рамках дозволенного. Юридическая дозволенность – это поведение, регулируемое юридическими нормами, которые устанавливают определенные, прежде всего количественные, критерии такого поведения. Еще со времен Г. Гроция (1583–1645) считается, что «дозволение, предоставляемое законом (ибо сюда не относится чисто фактическая возможность, означающая отсутствие препятствия), может быть или полное, то есть дающее право на какое-нибудь дозволенное действие, или же неполное, то есть сообщающее действию лишь безнаказанность среди людей и право требовать от других не чинить препятствия дозволенному действию»⁵. Но характер дозволения все же имеют, и это отнюдь не «характер правового стремления». По мнению С. С. Алексеева, «дозволения имеют характер меры социальной свободы, самостоятельности и собственной активности субъектов»⁶.

В правоведении принято подчеркивать, особенно с учетом разработок в психологии и социологии, следующее: 1) интерес всегда субъективный, подразумевая под этим, что интерес не существует сам по себе (т. е. у него всегда есть субъект) и что он всегда осознаваем; 2) интерес всегда объективный; 3) интерес всегда социальный. На этом основании делается правильный с точки зрения психологии вывод, что носителем интереса является только личность и что интересы существуют только в человеческом мире.

Тем не менее почему философы, психологи и юристы отрицают существование интересов в других мирах, например в животном или растительном? Для признания

¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3 ч. М., 2006. Ч. 1. С. 78.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 19-е изд. М., 1987. С. 631.

³ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981. Т. 4. С. 287.

⁴ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Психология мысли и чувства. Художественное творчество // Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 44.

⁵ Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 3: Европа. Америка: XVII–XX вв. М., 1999. С. 29–30.

⁶ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 161.

животных носителями интереса существует одно серьезное препятствие, а именно неспособность животных осознавать свои интересы. Но и в праве, во-первых, способны их осознавать не все субъекты (например, дети или недееспособные), а во-вторых, не все способны осознавать их правильно. Однако никто по этим основаниям не отрицает возможность этих лиц быть носителями интереса. Действительно, осознание интереса – важнейшая и необходимая его характеристика. Но совсем не обязательно, чтобы осознавал интересы именно их носитель. Это может быть и другой человек.

Доктринальные определения интереса нельзя сводить только к психологическим, социологическим или юридическим значениям. Видимо, не следует рассматривать как курьез и иногда упоминаемых, в том числе в современной литературе, иных, кроме социальных субъектов, носителей интереса, например собак¹ или птиц. В обывденной и научной лексике интерес может означать условие существования животных, элемент их благополучия, а отнюдь не их поведение или повадки. То обстоятельство, что в социальной и правовой сферах существует только один носитель интереса – субъект, не дает оснований, на наш взгляд, отрицать существование других носителей интереса в иных сферах. Благополучие жизни – это характеристика жизни не только человека, но и животных и растений, период существования которых определяется физиологическим состоянием.

С этой точки зрения не так уж парадоксально высказанное в юридической литературе мнение об объектах прав, в частности материальных предметах, как носителях интереса. Так, В. С. Белых и И. В. Кривошеев (1973–2006) полагают, что «имущество, имущественные права и нематериальные блага, такие как жизнь и здоровье, являющиеся предметом страховой охраны, не подвергаются правовому движению в рамках страхового правоотношения, а выступают лишь *носителями страхового интереса*»² (курсив мой. – А. М.). Правда, кроме концептуального вопроса о возможности материальных предметов иметь интересы, возникает и вопрос о возможности быть именно их «носителями». Слово «носитель» производно от глагола «нести». Практически все вещи «несут» либо какой-то груз, либо какие-то качества, признаки и т. д., но способны ли они «нести» именно интересы?³ Чтобы материальные предметы могли обладать интересами (видимо, как условиями прежде всего своей сохранности), эти интересы должны в свою очередь иметь материальные параметры, физические размеры. Но интерес нельзя ограничить физически.

Между тем анализ современного российского законодательства показывает, что к носителям интересов стали относиться не только субъекты права, но и некоторые состояния и действия этих субъектов и даже материальные предметы. Приведем некоторые достаточно неожиданные формулировки:

«интересы защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации» (подп. 10 п. 4 ст. 27 Земельного кодекса РФ);

«интересы обеспечения безопасности Российской Федерации» (ст. 12 Федерального закона от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации»);

«в интересах обеспечения физической защиты ядерной установки, радиационного источника, пункта хранения, организации по обращению с ядерными материалами или радиоактивными веществами...» (ст. 51 Федерального закона от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии»);

«судовладелец возмещает стоимость проданного груза его владельцу, за исключением случаев, если вызванные продажей груза убытки подпадают под признаки общей аварии или продажа груза проведена только *в интересах груза*» (курсив мой. – А. М.) (п. 2 ст. 72 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ).

¹ Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург, 1997. С. 45.

² Белых В. С., Кривошеев И. В. Страховое право. М., 2001. С. 83–84.

³ Интересы, как оказалось, можно не только «носить», но и «возить». «Каждый караван, состоящий нередко более чем из десятка кораблей, – пишет историк Средних веков М. А. Гуковский (1898–1971), – „везет“ материальные интересы шестисот, а то и большего количества венецианцев или генуэзцев...» (Гуковский М. А. Итальянское Возрождение. Л., 1990. С. 93).

Интересы защиты и охраны, интересы обеспечения безопасности, интересы обеспечения физической безопасности и наконец интересы груза – кто или что выступает носителями этих интересов? Не вызывает сомнений, что в последнем из приведенных положений носитель интереса – груз. Если же руководствоваться популярной доктринальной формулировкой, которая определяет интерес как осознанную необходимость в удовлетворении потребности, то приходится признать, что осознавать эту необходимость предназначено именно грузу. Но ведь действует в интересах груза капитан судна, и правоприменителя в данном случае интересуют именно действия капитана, а не мыслительные процессы в его сознании.

Немецкий философ К. Глой подчеркивает, что проблема коллизий прав и интересов прослеживалась уже в этике немецкого гуманиста А. Швейцера (1875–1965), но его понятие табу и святости ограничивалось живой природой и на неживую не распространялось¹. «Если механистическая картина мира и ее этика базируются на превосходстве и особом положении человека по отношению к остальной природе, то экологическая этика исходит из равноценности и равного положения всех существ – как органических, так и неорганических... Природа принимает на себя роль *правового субъекта*. „*Правовое сообщество*“ (курсив мой. – А. М.) природы стало общепринятым понятием и даже лозунгом в лексиконе экологической этики»².

Общественное движение за признание прав животных, необходимости защиты их прав и интересов уже принесло первые плоды. В 2008 г. произошло событие, о котором тут же сообщили все информационные агентства: испанский парламент признал право крупных человекообразных обезьян на жизнь и свободу. Это первый в мировой практике случай официального признания таких прав за животными³.

Вынесен на обсуждение общественности и вопрос о признании прав растений, поскольку в мире укрепилось понимание важности сохранения многообразия видов. А также потому, что, как утверждает К. Глой, «растения имеют „ощущения“ и „интересы“, что выражается в стремлении к целостности индивидуума, к сохранению вида, к здоровью... Еще реже идет речь о признании прав по отношению к камням и неорганическим веществам. Хотя все больше побеждает сознание, что классические элементы – земля, вода, воздух и огонь – образуют наш жизненный эликсир и поэтому должны сохраняться чистыми...»⁴.

Кратко говоря, если традиционная этика рассчитывала на безудержное присвоение и эксплуатацию, то новая этика «создает *взвешенное соотношение интересов* (курсив мой. – А. М.), ориентирует на бережное, щадящее, доброе обращение с окружающим миром. Ее девиз – „умеренное вместо чрезмерного“»⁵.

Категория интереса и сегодня является базисом системы социальных наук и политики. Но есть одна особенность: эта категория при использовании в экономическом, политическом и теоретическом языке может означать любое случайное содержание⁶. В основе всех теорий социального развития лежат нормативные основания. «Однако ни интересы, ни идеи, ни их конstellляции не являются движущими силами социального развития. Доктрины гармонии интересов и равновесия сил есть разновидности идеологической аберрации»⁷.

В одной из своих работ А. Хиршман пришел, как он сам выразился, к *поразительному* выводу: «Хваленый идеал предсказуемости, воображаемая идиллия общества, состоящего из частных лиц, уделяющих исключительное внимание своим экономическим интересам и тем самым косвенно (но никогда – прямо) служащих общественному интересу, становятся действительностью только при абсолютно кошмарных политических условиях!»⁸. На самом деле, разъясняет А. Хиршман, результаты

¹ Глой К. Холистически-экологическая или механистическая картина мира // Рациональность на перепутье: в 2 кн. М., 1999. Кн. 2. С. 458.

² Там же. С. 457.

³ Парламент предоставил обезьянам права человека // Уральский рабочий. 2008. 3 июля.

⁴ Глой К. Указ. соч. С. 457–458.

⁵ Там же. С. 459–460.

⁶ Макаренко В. П. Теория неожиданных последствий Альберта Хиршмана // Terra Economicus. Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2009. Т. 7. № 4. С. 152–153.

⁷ Там же.

⁸ Хиршман А. О. Интересы. С. 223.

новейших исследований видов деятельности, не мотивированных традиционными индивидуальными интересами, позволяют сделать оптимистичный вывод о том, что «единственной определенной и предсказуемой характеристикой человеческих дел является их непредсказуемость, и бесполезно пытаться свести человеческое действие к единственному мотиву – такому, как, например, интерес»¹.

Несколькими десятилетиями ранее, еще в середине прошлого века, классик отечественной психологии С. Л. Рубинштейн пришел к более категоричному выводу, заявив, что «пока содержание этих психических явлений, в которых проявляется потребность, не раскрыто, *потребность* – и точно так же *интерес* – будут неизбежно выступать в качестве *пустой, бессодержательной абстракции или в качестве биологических либо социологических категорий, неправоммерно психологизируемых*»² (курсив мой. – А. М.). За прошедшие 80 лет этот вывод не утратил своей актуальности.

В связи с этим интересны два парадоксальных замечания знаменитого физика Нильса Бора (1885–1962). Первое сформулировано в 1929 г.: «Строго говоря, глубокий анализ любого понятия и его непосредственное применение взаимно исключают друг друга»³. Через 20 лет Бор уточнил: «Практическое применение всякого слова находится в дополнительном отношении с попытками его строго определения»⁴. Фактически ученый утверждал, что в ходе использования слова его невозможно точно определить, а дав точное определение, его невозможно использовать⁵. Несмотря на кажущийся парадокс, замечания Н. Бора, по мнению специалистов, выглядят достаточно обоснованными. «Действительно, практическое применение слова не нуждается в каких-либо правилах, – считает М. А. Розов, – мы просто опираемся на образцы словоупотребления, которые повсеместно нас окружают. Суть, однако, в том, что образцы поведения или деятельности... не задают никакого четкого множества возможных реализаций, они приобретают относительную определенность только в том или ином конкретном контексте... В некоторых ситуациях, например, мы можем назвать словом „стол“ даже болотную кочку, если разложили на ней карту местности или разместили еду»⁶.

Чем может помочь точка зрения Н. Бора в попытке получить юридическое определение слова «интерес»? Прежде всего она показывает безнадёжность подбора как можно большего материала из речевой практики. Существующий огромный массив слов-определений интереса⁷, видимо, бесполезен в плане научного исследования, но не позволяет выделить какие-либо инварианты. Представляется, что определение интереса следует формулировать на основе не конкретизированных видов и множеств понятия, а обобщений более высокого порядка. *Простое дозволение, потребность, необходимость, нужда, возможность, желание, стремление* – все эти понятия, используемые в современном правоведении для определения интересов, нуждаются в дополнительном обобщении. Такое под силу только универсалии. И подобной универсалией является понятие «благополучие». А интерес – это условие или элемент благополучия того или иного субъекта. В качестве такого элемента может рассматриваться в каждом конкретном случае и простое дозволение, и потребность, и необходимость, и нужда, и возможность, и т. п. Этот перечень ничем не ограничен.

Предложение об использовании в качестве универсалии понятия благополучия возникло не на пустом месте. И заложили основы такого понимания интересов фран-

¹ Хиршман А. О. Интересы. С. 223.

² Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 207.

³ Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 58.

⁴ Там же. С. 398.

⁵ Розов М. А. О границах рациональности // Рациональность на перепутье: в 2 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 61.

⁶ Там же.

⁷ За годы работы над темой интереса у автора скопилось коллекция слов-определений, употребляющихся со словом «интерес» (во всех его значениях). Таких слов набралось около 4 тыс. (в целях научной беспристрастности зафиксирован источник употребления каждого слова). Основной массив в них – прилагательные, но есть и причастия, и существительные (интерес-задача, эго-интерес и т. п.). Нечасто в русском языке можно встретить слово, значение которого можно уточнить таким огромным количеством смысловых характеристик.

цузские просветители. «Интересом называется предмет, – утверждал французский философ К. А. Гельвеций (1715–1771), – с которым каждый человек соответственно характеру связывает свое благосостояние»¹. Почти через 200 лет А. М. Деборин (1881–1963), видимо, счел упоминания предмета и характера в этом утверждении излишними и переформулировал его в более понятную всем максимуму: «Интерес есть то, что каждый человек считает необходимым для своего счастья»².

Слово «благополучие» стало основой для столь содержательной формулировки: «Самый благотворный закон не может людей сделать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучие под покровительством закона»³. Удивительно, но это цитата из манифеста императора Александра II от 19 февраля 1861 г., возвещавшего освобождение крепостных крестьян. Небезынтересно, что текст Манифеста написан не профессиональным юристом, а богословом – московским митрополитом Филаретом (Дроздовым) (1783–1867)⁴. Именно такое покровительство и осуществляет современный закон, беря интересы под свою защиту и охрану.

Благополучие – вовсе не «расплывчатое» понятие. Представления о благополучии у различных субъектов существенно отличаются, но в самых общих чертах, отраженных в общепринятой для данного общества системе ценностей, они совпадают. Благополучие членов общества – в той мере, в какой оно соответствует базовой системе ценностей, – является для общества предметом обеспечения и защиты (в том числе правовой). Именно через термин «благополучие» в уставе Всемирной организации здравоохранения определяется такой жизненный интерес, как здоровье: «Здоровье является состоянием полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствия болезней или физических дефектов». В нормах международного гуманитарного права используется избранный переводчиками почти идентичный слову «благополучие» термин «благосостояние» (например, в ст. 25 Всеобщей декларации прав человека; в ст. 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах; в преамбуле и ст. 14 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин⁵). Многоаспектность понятия «благополучие» обеспечивает широкий охват жизненно важных интересов.

В литературе не раз высказывались замечания по поводу неопределенности того, «что вкладывается в столь широкое понятие, как благополучие»⁶. Такой неопределенности можно избежать, если соотнести его с понятием «жизненный уровень» в трактовке норм международного гуманитарного права. Во Всеобщей декларации прав человека провозглашено, что «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи» (ст. 25)⁷. Именно такой объем «жизненного уровня», установленный этим и другими международными универсальными и региональными стандартами в области прав человека, и подразумевает понятие «благополучие». Благополучие – явление не застывшее, оно развивается одновременно с расширением прав человека. Сегодняшнее развитие третьего поколения прав человека и возможное в ближайшем будущем становление четвертого поколения выносят на повестку дня и переосмысление прежних стандартов⁸. Не случайно основным показателем достижений государств становятся не показатели выплавки чугуна и стали, добычи угля и нефти, производства цемента и др., а индекс развития человеческого

¹ Гельвеций. Истинный смысл системы природы. М., 1923. С. 89.

² Деборин А. Предисловие // Гельвеций. Истинный смысл системы природы. С. 28.

³ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 31.

⁴ Там же; Филарет // Христианство. Энциклопедический словарь: в 3 т. М., 1995. Т. 3. С. 113.

⁵ Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации: практ. пособие. М., 1996. С. 229, 232, 295.

⁶ Кузьмин А. И. Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). Екатеринбург, 1993. С. 175. См. также: Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М., 2007. С. 61.

⁷ Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации. С. 229.

⁸ Российское гуманитарное право: учеб. пособие для вузов / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 1998. С. 292; О факторах формирования системы социальных стандартов см., например: Ковалева Г. А., Пешина Э. В. Управление социальной сферой: нормативный подход. Екатеринбург, 2000. С. 115.

потенциала. Уровень продолжительности жизни, грамотность, душевой доход, социальные гарантии и др. – вот основные критерии развитости современного государства.

Подчеркнем важное обстоятельство: благополучие как одно из фундаментальных начал жизнедеятельности трансгисторично, в отличие от таких форм духовной деятельности, как наука, право, политика, искусство, которые имеют конкретно-исторический характер¹.

В завершение отметим, что пока в современном правоведении изложенная ситуация с так называемым богатством смыслов и значений интереса не найдет своего разрешения, единственным субъектом и носителем интересов будет оставаться социальный субъект.

Список литературы

- Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001.
- Ахмадулина Б. Избранное: стихи. М., 1988.
- Белых В. С., Кривошеев И. В. Страхование право. М., 2001.
- Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. М., 1971. Т. 2.
- Буачидзе Т. А. О назначении человека // Философия, культура, человек. Тбилиси, 1988.
- Гельвеций. Истинный смысл системы природы. М., 1923.
- Глой К. Холистически-экологическая или механистическая картина мира // Рациональность на перепутье: в 2 кн. М., 1999. Кн. 2.
- Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 3: Европа. Америка: XVII–XX вв. М., 1999.
- Гуковский М. А. Итальянское Возрождение. Л., 1990.
- Деборин А. Предисловие // Гельвеций. Истинный смысл системы природы. М., 1923.
- Драйзер Т. Собрание сочинений: в 12 т. М., 1986. Т. 12.
- Зиновьев А. А. Глобальный человек. М., 2003.
- Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал: избранные статьи по философии и эстетике. М., 1984.
- Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М., 2007.
- Кант И. Лекции по этике. М., 2005.
- Ковалева Г. А., Пешина Э. В. Управление социальной сферой: нормативный подход. Екатеринбург, 2000.
- Кузьмин А. И. Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). Екатеринбург, 1993.
- Кутзее Дж. М. Элизабет Костелло. СПб., 2004.
- Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург, 1997.
- Макаренко В. П. Теория неожиданных последствий Альберта Хиршмана // Terra Economicus. Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2009. Т. 7. № 4.
- Малинова А. Г. Категория «интерес» в семейном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.
- Малинова А. Г. Понятие «законные интересы» в семейном праве // Российский юридический журнал. 2001. № 1.
- Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012.
- Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Карл Маркс и Фридрих Энгельс об искусстве: в 2 т. 4-е изд. М., 1983. Т. 1.
- Маршак С. Я. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1990. Т. 4.
- Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М., 2003.
- Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации: практ. пособие / под общ. ред. В. М. Жуйкова. М., 1996.
- Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М., 1990.
- Никитин Е. П. Спецрациональность // Рациональность на перепутье: в 2 кн. М., 1999. Кн. 1.
- Овсяннико-Куликовский Д. Н. Психология мысли и чувства. Художественное творчество // Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: в 2 т. М., 1989. Т. 1.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 19-е изд. М., 1987.
- Павлов И. П. Рефлекс свободы. СПб., 2001.
- Парламент предоставил обезьянам права человека // Уральский рабочий. 2008. 3 июля.
- Рампа Т. Л. Третий глаз // Восток и Запад о жизни после смерти / сост. Н. Г. Шкляева. СПб., 1993.

¹ Никитин Е. П. Спецрациональность // Рациональность на перепутье: в 2 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 68.

- Розов М. А. О границах рациональности // Рациональность на перепутье: в 2 кн. М., 1999. Кн. 1. Российское гуманитарное право: учеб. пособие для вузов / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 1998.
- Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1989. Т. 7.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. М., 1989. Т. 1.
- Семенов Ю. И. На заре человеческой истории. М., 1989.
- Сергеев Б. Ф. Ступени эволюции интеллекта. Л., 1986.
- Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981. Т. 4.
- Уорд Л. Психические факторы цивилизации. СПб., 1897.
- Уорд Л. Ф. Социальная статика // Зомбарт В. Социология. 2-е изд., стер. М., 2003.
- Фейербах Л. Сочинения: в 2 т. М., 1995. Т. 1.
- Филарет // Христианство. Энциклопедический словарь: в 3 т. М., 1995. Т. 3.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3 ч. М., 2006. Ч. 1.
- Хиршман А. О. Интересы // «Невидимая рука» рынка / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М., 2008.
- Хиршман А. О. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М., 2012.
- Шовен Р. Поведение животных. М., 1972.
- Яковец Ю. В. История цивилизаций. М., 1995.

References

- Akhmadulina B. Izbrannoe: stikhi. M., 1988.
- Alekseev S. S. Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya. M., 2001.
- Belykh V. S., Krivosheev I. V. Strakhovoe pravo. M., 2001.
- Bor N. Izbrannye nauchnye trudy: v 2 t. M., 1971. T. 2.
- Buachidze T. A. O naznachenii cheloveka // Filosofiya, kul'tura, chelovek. Tbilisi, 1988.
- Deborin A. Predislovie // Gel'vetsii. Istinni smysl sistemy prirody. M., 1923.
- Draizer T. Sobranie sochinenii: v 12 t. M., 1986. T. 12.
- Feierbakh L. Sochineniya: v 2 t. M., 1995. T. 1.
- Filaret // Khristianstvo. Entsiklopedicheskii slovar': v 3 t. M., 1995. T. 3.
- Fuko M. Intellectualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yuu: v 3 ch. M., 2006. Ch. 1.
- Gel'vetsii. Istinni smysl sistemy prirody. M., 1923.
- Gloi K. Kholisticheski-ekologicheskaya ili mekhanisticheskaya kartina mira // Ratsional'nost' na pereput'e: v 2 kn. M., 1999. Kn. 2.
- Grotsii G. O prave voyny i mira: Tri knigi, v kotorykh ob'yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe printsipy publicnogo prava // Antologiya mirovoi pravovoi mysli: v 5 t. T. 3: Evropa. Amerika: XVII–XX vv. M., 1999.
- Gukovskii M. A. Ital'yanskoe Vozrozhdenie. L., 1990.
- Ilenkov E. V. Iskusstvo i kommunisticheskii ideal: izbrannye stat'i po filosofii i estetike. M., 1984.
- Iliina O. Yu. Problemy interesa v semeinom prave Rossiiskoi Federatsii. M., 2007.
- Kant I. Lektsii po etike. M., 2005.
- Khirshman A. O. Interesy // «Nevidimaya ruka» rynka / pod red. Dzh. Ituell, M. Milgeita, P. N'yumena. M., 2008.
- Khirshman A. O. Strasti i interesy: politicheskie argumenty v pol'zu kapitalizma do ego triumfa. M., 2012.
- Kovaleva G. A., Peshina E. V. Upravlenie sotsial'noi sferoi: normativnyi podkhod. Ekaterinburg, 2000.
- Kutzee Dzh. M. Elizabet Kostello. SPb., 2004.
- Kuz'min A. I. Sem'ya na Urale (demograficheskie aspekty vybora zhiznennogo puti). Ekaterinburg, 1993.
- Lobok A. M. Antropologiya mifa. Ekaterinburg, 1997.
- Makarenko V. P. Teoriya neozhidannykh posledstviy Al'berta Khirshmana // Terra Economicus. Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. T. 7. № 4.
- Makh E. Poznanie i zabluzhdenie. Ocherki po psikhologii issledovaniya. M., 2003.
- Malinova A. G. Kategoriya «interes» v semeinom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2003.
- Malinova A. G. Ponyatie «zakonnnye interesy» v semeinom prave // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2001. № 1.
- Mal'ko A. V. Stimuly i ogranicheniya v prave: teoretiko-informatsionnyi aspekt. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2012.
- Marks K. Teorii pribavochnoi stoimosti // Karl Marks i Fridrikh Engel's ob iskusstve: v 2 t. 4-e izd. M., 1983. T. 1.

- Marshak S. Ya.* Sобрание sochinenii: v 4 t. M., 1990. T. 4.
 Mezhdunarodnye normy o pravakh cheloveka i primenenie ikh sudami Rossiiskoi Federatsii: prakt. posobie / pod obshch. red. V. M. Zhuikova. M., 1996.
Moiseev N. N. Chelovek i noosfera. M., 1990.
Nikitin E. P. Spetsratsional'nost' // Ratsional'nost' na pereput'e: v 2 kn. M., 1999. Kn. 1.
Ovsyaniko-Kulikovskii D. N. Psikhologiya mysli i chuvstva. Khudozhestvennoe tvorchestvo // *Ovsyaniko-Kulikovskii D. N.* Literaturno-kriticheskie raboty: v 2 t. M., 1989. T. 1.
Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka / pod red. N. Yu. Shvedovoi. 19-e izd. M., 1987.
 Parlament predostavil obez'yanam prava cheloveka // *Ural'skii rabochii*. 2008. 3 iyulya.
Pavlov I. P. Refleks svobody. SPb., 2001.
Rampa T. L. Tretii glaz // Vostok i Zapad o zhizni posle smerti / sost. N. G. Shklyaeva. SPb., 1993.
 Rossiiskoe gumanitarnoe pravo: ucheb. posobie dlya vuzov / pod red. Yu. A. Tikhomirova. M., 1998.
 Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. M., 1989. T. 7.
Rozov M. A. O granitsakh ratsional'nosti // Ratsional'nost' na pereput'e: v 2 kn. M., 1999. Kn. 1.
Rubinshtein S. L. Osnovy obshchei psikhologii: v 2 t. M., 1989. T. 1.
Semenov Yu. I. Na zare chelovecheskoi istorii. M., 1989.
Sergeev B. F. Stupeni evolyutsii intellekta. L., 1986.
Shoven R. Povedenie zhivotnykh. M., 1972.
 Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoi. M., 1981. T. 4.
Uord L. F. Sotsial'naya statika // *Zombart V.* Sotsiologiya. 2-e izd., ster. M., 2003.
Uord L. Psikhicheskie faktory tsivilizatsii. SPb., 1897.
Yakovets Yu. V. Istoriya tsivilizatsii. M., 1995.
Zinov'ev A. A. Global'nyi cheloveinik. M., 2003.